

*А. Д. Павловец,
ст. преподаватель кафедры философии
и специальных исторических дисциплин,
ГГУ имени Ф. Скорины
(г. Гомель, Республика Беларусь)*

ГЕРМЕНЕВТИКА ПОНЯТИЙ СОКРЫТИЯ И СУДЬБЫ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ О ФЕНОМЕНАХ М. ХАЙДЕГГЕРА

Вопрос об онтологических, теологических и телеологических порядках раскрытия, распознавания своей судьбы отдельным человеком или народом, когда в предельном порыве воли или историческом размахе событий происходит ее обретение и присвоение, подразумевает вопрос о том «месте», откуда осуществляется исход, извлечение или самоизвлечение судьбы. Это вопрос о сокрытом месте, где судьба пребывает и где она свершается в виде замысла еще до того, как ее свершает в виде деяния человек. Сущностная взаимосвязь сокрытия и раскрытия является абсолютно необходимой для понимания феномена судьбы в плане ее собственной явленности и вручаемости человеку или народу в качестве сущностного измерения его бытия, мышления, экзистенции. Но возможно ли именно таким образом – сущностно, в полной мере раскрыть сокрытое, прочесть утаенное в недрах нашей судьбы, прочувствовав и осмыслив ту сущностную интуицию, которая тихо говорит нам о смысле сокрытости и о том, что именно сокрыто в нашем ожидании и в ожидании нас самих и в чем заключается возможность и порядок раскрытия?

Для внесения большей ясности процитируем фрагмент из «Бытия и времени» (§7-А): «Греческое выражение φαίνμενον, к которому восходит термин «феномен», произошло от глагола φαίνεσθαι, который означает: казать себя; φαίνμενον означает поэтому: то, что показывает себя, самокажущее, очевидное; само φαίνεσθαι – медиальная форма от φαίνω, выводить на свет, приводить к ясности; φαίνω принадлежит к корню φα- как φῶς, свет, ясность, т. е. то, в чём обнаруживает себя, само по себе способно стать видимым. Как значение выражения «феномен» надо поэтому фиксировать: само-по-себе-себя-кажущее, очевидное, φαίνμενα, “феномены” суть тогда совокупность того, что лежит на свету или может быть выведено на свет, что греки временами просто отождествляют с τά ὄντα (сущее). Сущее может, далее, казать себя из себя самого разным образом, смотря по способу подхода к нему. Существует даже возможность, что сущее кажет себя как то, что оно в самом себе не есть. Показывая себя таким образом,

сущее “выглядит так, словно...”. Такое казание себя мы называем кажимостью. И также в греческом выражении φαίνόμενον, феномен, имеет значение: выглядящее так, словно “кажущееся”, “видимость”; φαίνόμενον ἄγαθον значит благо, которое выглядит так, словно – но “в действительности” не есть то, за что себя выдаёт. Для дальнейшего осмысления понятия феномена всё зависит от того, чтобы увидеть, как оба названных значения φαίνόμενον (“феномен” кажущее себя и “феномен” кажущееся) по своей структуре между собой взаимосвязаны. Лишь поскольку нечто вообще по своему смыслу претендует казать себя, т. е. быть феноменом, оно может казать себя как нечто что оно не есть, может “только выглядеть так словно”. В значении φαίνόμενον (“видимость”) исходные значения (феномен: очевидное) тоже уже лежат как фундамент второго. Мы отводим титул “феномен” терминологически позитивному и исходному значению φαίνόμενον и отличаем феномен от видимости как привативной модификации феномена. Что, однако выражают оба термина, не имеет ближайшим образом вовсе ничего общего с тем, что называют “явлением” или тем более “только явлением”» [5, с. 28–29].

Позиция М. Хайдеггера направлена против истолкования сложного состава феномена как того, что являет в себе собственную сущность до предела, полностью и без остатка, как это принято было понимать в классической феноменологии: «Явление как проявление “чего-то” означает соответственно как раз не показывание самого себя, но давание знать о себе чего-то, что себя не кажет, через нечто, что себя кажет. Явление есть себя-не-казание» [5, с. 29]. Сущность явления, таким образом, не стоит за явлением (феноменом), но утаивается, сокрывается в самом способе того, как феномен является мышлению. Это означает, что феномен не является пассивным объектом нашего восприятия, а представляет собой активный процесс взаимораскрытия самой вещи или самого события, явленных нашему мышлению в качестве феномена и активности наших мышления и экзистенции по их схватыванию, интуированию, узнаванию и пониманию в качестве сущностных обликов вещей или событий. Поэтому следует подчеркнуть, что феномен не просто являет себя, но и скрывает себя, тем самым открывая нам новые горизонты понимания. Феномен всегда имеет отношение к человеку. Он открывается нам в контексте нашего существования, в контексте нашего отношения к миру. Понимание феномена предполагает понимание нашего собственного бытия.

Взаимозависимость несокрытого и потаенного как двух сторон истины – важнейший момент судьбы. Будучи понятым в подобном ключе, феномен судьбы предполагает не просто «понимание», род-

ственное тривиальному представлению, но процесс раскрытия, сокрытого во всей диалектической полноте, поскольку в судьбе мы обретаем средоточие того, что наполняет человека партикулярным и универсальным смыслом, делая, в конечном счете, возможным или невозможным смысловую работу с феноменальной сферой как таковой. Примечательно, что для М. Хайдеггера потаенное, сокрытое в феномене представляется едва ли не более существенным, нежели явленное, выведенное на свет в своей совершенной полноте. Однако, и это важно, потаенное не является отсутствием бытия как смысла – напротив, оно выступает неотъемлемой частью самого Бытия, которое, согласно М. Хайдеггеру, до времени укрывает просвет своей истины, поскольку Бытие не есть, но временит феноменальное самораскрытие себя и раскрытие сущего. Это означает, что сокрытое в самом Бытии не является статичным или динамичным объектом восприятия или абстрактного познания, но представляет собой процесс раскрытия сокрытого, в который вовлечены само Бытие, сущее и человек как особое сущее, стремящееся к пониманию своего бытийного измерения (Dasein). Сокрытое, или потаенное, таким образом, требует от нас участия в раскрытии сокрытого, стремясь открыть нам новые горизонты понимания как Бытия и сущего, так и себя самих в качестве имеющих непосредственное отношение к степени интенсивности явленности и сокрытости феноменов.

Внутреннее драматическое противостояние между сокрытым и несокрытым находит глубокое выражение в работе М. Хайдеггера «Введение в мета-физику» в том разделе, где немецкий мыслитель обращается к известному мифу об Эдипе и трагедии древнегреческого драматурга Софокла «Царь Эдип» [4]. В истории и образе Царя Эдипа власть силы трагической судьбы явлена, пожалуй, в наиболее грандиозной для истории мировой культуры форме: «Шаг за шагом вынужден он ставить при этом самого себя в несокрытость, которую в конце концов может принять лишь выкалывая себе глаза, т. е. вообще выводя себя из всякого света, устанавливая вокруг себя беспросветную ночь, и только тогда, уже ослепленный, возопиет, веля распахнуть все двери, чтобы открыться народу таким, каков он есть. Мы не можем, однако, рассматривать Эдипа как человека, который приходит к падению, мы должны уразуметь в Эдипе ту стать греческой сиюбытности, в которой дерзостно, безмерно и яростно выявляется его основная страсть, страсть разоблачения бытия, т. е., борьбы за само бытие» [6, с.186]. По мнению М. Хайдеггера, судьба Эдипа изначально героическая, поскольку он осуществляет, совершает ее как тот, кто решительно стремится вывести и выводит на свет самое потаенное, страшное и убийственное для него самого. Действительно,

это потаенное, или сокрытое, таково, что в конечном счете становится непереносимо для самого героя мифа. Слишком яркий свет пришедшего осознания совершенного убийства отца и прелюбодеяния с матерью, уничтожает и физическую способность Эдипа видеть – в финале

Проблема, связанная с человеческой способностью феноменально воспринимать сокрытое и несокрытое поднимается М. Хайдеггером также в его работе «Учение Платона об Истине», в которой на примере учения Платона об эйдосах, или идеях, доказывается, что бесконечное, уверенное движение к свету, осуществляемое в перспективах самого света невозможно. Если долго смотреть на свет, можно ослепнуть. Рассматривая миф о пещере, изложенный Платоном в VII книге «Государства» [3], М. Хайдеггер подчеркивает, что обретение умения мыслить и быть в свете самих эйдосов – умения, которое древнегреческие философы именовали как «Пайдейя», или совокупность педагогических правил воспитания ума, тела и воли, подразумевает обретение гармонии восприятия и мышления вещи как вместе явленной и сокрытой: «Пайдейя означает обращение всего человека в смысле приучающего перенесения его из круга ближайших вещей, с которыми он сталкивается, в другую область, где является сущее само по себе. Это перенесение возможно лишь благодаря тому, что все прежде открытое человеку и тот способ, каким оно было ему известно, делаются другими. То, что является человеку так или иначе непотаенным, и род этой непотаенности должны перемениться» [9, с. 351].

Это – стадийный процесс, в котором каждая стадия рождается из их взаимных пересечений, смысловых композиций игры наподобие агональной модели космоса Гераклита [2, с. 42]. Именно состязательное взаимопроникновение явленного и сокрытого обуславливает возможность достижения конечной цели познания как Блага: возвращение в пещеру и освобождение заточенных в ней в собственном беспомоществе и ложности мнений узников. В этом смысле осознанное в игре явленного и сокрытого действие не только наделяет конкретные человеческие мышление и экзистенцию истиной, но и превращает их в сущностное творение, или сотворение. Благодаря единству несокрытого и сокрытого судьба отдельно взятой экзистенции, осуществившей дар избавления в отношении других людей, становится их общей исторической судьбой, вплетенной в историю народа, историю человечества. Подобная экзистенция, как подчёркивается М. Хайдеггером, может находить и воспроизводить себя только в единстве с самим Бытием: «И через все бытие проходит тайная занавесь, разделяющая, как сужденная им доля, все божеское и все противное богам.

Многим, что есть среди сущего, не может овладеть человек. И лишь немного познается им. Все известное остается известным приблизительно, всякое владение – владение непечным» [7, с.161].

Подобная экзистенция видится многим философам и мистическим поэтам в виде метафоры тайной занавеси внутри мира; это суть тайна, выводящая наши философские рассуждения на совершенно иной, новый уровень вопрошания о сокрытом месте и существе судьбы. Чем они могут быть? Ответ можно найти у Ж. Деррида: «Несмотря на видимость, этот X не есть ни понятие, ни даже имя: он одалживает себя целой серии имен, но сам нуждается в ином синтезе и превышает структуру и порядок самого предикативного дискурса. Он “не есть”. Он написан совершенно иным образом» [1, с. 252]. Можно сказать, что это письмо, известие, весть, которые, говоря словами М. Хайдеггера, временно действуют судьбы, предоставляя её сокрытые и несокрытые смыслы событиям, именам, фактам человеческого взыскания судьбы как самозыскания. Имена и их владельцы, как и события и судьбоносные вещи, могут быть даны явно или скрытно, косвенно или прямо, но сами по себе явленность и ясность, как и сокрытость и потаённость не могут устоять в качестве себе тождественных в тайне того места, где вершится судьба и где деяние одинокой экзистенции не в состоянии обрести ключ к тайнам письма, которыми пишется книга судьбы. Она пишется, согласно Ж. Деррида, в объемлющем мир и в то же время в распространённом, присутствующем в самом мире начале («Пра-Следе») тайны, разбросанные в мире следы-письмена которой дано прочесть лишь определенной полноте экзистенцией исторического человечества. Сокрыт, таким образом, может быть не только смысл вещи или события. Говоря словами Ж. Деррида, сокрытым может стать и само Бытие в своей собственной сокрытости, утаить от себя свой собственный смысл. Найдётся ли в таком случае взыскующий? найдётся ли новый Эдип, решающийся во имя света на самоослепление?

В подобном ключе мыслит судьбу мистическая философия Ислама в доктринах «печати пророков» и «сокрытого имама». Завершение цикла пророчества и цикла вилаята не происходит одновременно, но существует вечно, постоянно, тем не мене, раскрывая себя в истории, как бы истекая тайной в мир человека. Поэтому каждый момент истории и каждый момент жизни человека мы одновременно присутствуем при сокрытом от непосредственных взглядов полном цикле пророчества/вилаята и при его частичном раскрытии/воплощении. Когда отдельный цикл оказывается полностью раскрыт/воплощен мы, люди, замираем перед парадоксом повторного сокрытия и

наша судьба, казалось бы, познанная, приобретённая и присвоенная, вновь оказывается «один на один» с вечно потаенным – тайной тайн, которая вечно определяет нас и наши поступки как следы следов в просвете времени – просвете между тем, что явлено экзистенции, и тем, что от нее сокрыто. Таким образом, драматизм и гармония между явленным и сокрытым в судьбе определяется, с одной стороны, стремлением вывести собственную судьбу в феноменальный режим открытости смысла и, исходя из него, осуществить себя и свою жизнь в историчности самого Бытия и бытия своего народа, наподобие того, кто выводит узников из платоновской пещеры. Но, с другой стороны, они определяются осознанием невозможности исчерпать в собственном конечном бытии само сокрытое содержание как тайну тайн.

В завершении статьи хотелось бы указать на темпоральное изменение ожидания раскрытия судьбы. Если его процесс представить в виде совокупности дискретных временных моментов, то каждый момент можно истолковать либо как ожидание, либо как событие. Человек либо ожидает, когда его судьба явит себя исходя из его деяний и уже в своем «высветленном» для разума присутствии позволит продолжить их как внешняя придающая импульс сила, либо переживает ее явление как внутреннее событие своего существования, осуществляя тем самым не веление судьбы, а саму судьбу внутри отпущенного ему временного интервала. Почему эта мысль представляется нам столь важной?

Речь идёт об онтологическом порядке призывания судьбы. Зов, на который откликается другой человек, народ или даже Бог, определяется не только и не столько упорядоченным молитвенным словом или благочестивым ожиданием ответа. Судьбу можно позвать, можно решиться просто почувствовать свой голос, ищущий и призывающий ее – в той мере, в какой на это решился Эдип или Избавитель узников платоновской пещеры в интерпретации М. Хайдеггера. И в зове этом сохранить, спасти в себе человека. Ведь недаром же М. Хайдеггер постоянно упоминает в своих предвоенных работах «Зов Бытия» [8]. Означает ли подобное спасение явленность или сокрытость смысла? Ни то, ни другое; или и то, и другое, поскольку зов раздаётся поверх оставленных ранее следов, поверх природы феноменов, определяющих явленность и сокрытость, поверх просвета Бытия. Быть может, зов судьбы и есть наиболее таинственный след, который человек оставляет в ней самой, в самом Бытии, в мире? Быть может, зов и эхо, возвращающее ему себя самого, и есть музыка жизни тайны тайн, ее собственная невоспроизводимая во временной последовательности Судьба?..

Список источников и литературы

1. Деррида, Жак. Как избежать разговора: денегации (Comment ne pas parler) / Жак Деррида // Гурко, Е. Н. Деконструкция: тексты и интерпретация / Е. Н. Гурко. – Мн.: Изд. центр ЗАО «Эконом-пресс», 2001. – С. 251–316
2. Лебедев, А. В. Агональная модель космоса у Гераклита / А. В. Лебедев // Историко-философский ежегодник' 1987. М.: Наука, 1987. – С. 29–46.
3. Платон. Государство / Платон. – М.: Академический проект, 2015. – 398 с.
4. Софокл. Царь Эдип / Софокл // Драмы / Софокл. – М.: Наука, 1990. – С. 5–58.
5. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
6. Хайдеггер, М. Введение в метафизику / М. Хайдеггер. – СПб.: НОУ – «Высшая религиозно-философская школа», 1998. – 302 с.
7. Хайдеггер, М. Истоки художественного творения / М. Хайдеггер. – М.: Академический проект, 2005.– 526 с.
8. Хайдеггер, М. К Философии (О событии) / М. Хайдеггер. – М.: Издательство Института Гайдара, 2020. – 640 с.
9. Хайдеггер, М. Учение Платона об истине / М. Хайдеггер // Время и бытие / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993.– С. 345–361.

В. К. Степанюк,
канд. филос. наук, доцент,
доцент кафедры философии
и специальных исторических дисциплин,
ГГУ имени Ф. Скорины
(г. Гомель, Республика Беларусь)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЛОРУСОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: рассматривается проблема социокультурной и национальной идентичности белорусов в условиях глобализирующегося мира. Обращается внимание на то, что формирование национальной идентичности белорусов происходит под влиянием географического,